

УДК 332.14

Регион: экономика и социология, 2022, № 1 (113), с. 289–323

Л.В. Мельникова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И РАВЕНСТВО: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ДИСКУССИИ О ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

В статье на основе трех пластов литературы анализируются эволюция и взаимное влияние идей об эффективности и равенстве в пространственном развитии экономики, воплощение этих идей в конкурирующих концепциях региональной политики за период с 1990-х годов и до настоящего времени. Первый поток публикаций отражает дискуссию о роли пространства в эпоху глобализации и революционных изменений в области передачи информации. Полярные гипотезы – от «смерти пространства» до «тирании пространства» – стимулировали эмпирические оценки влияния расстояния на уровень экономических взаимодействий, которые не подтвердили тезис о «плоском мире», где равномерно распределена экономическая деятельность.

В то же время в экспертном сообществе зрело недовольство результатами традиционной перераспределительной региональной политики, что породило второй поток литературы – дебаты между сторонниками «пространственно-нейтральной» и «локально-адресной» (или «место-ориентированной») политики. В фокусе первого подхода находятся городские агломерации как источники роста и мобильность как средство выравнивания, второй же нацелен на раскрытие недоиспользуемого потенциала каждого места. Дискуссия прояснила возможные последствия реализации этих подходов с точки зрения достижения эффективности национальной экономики и сокращения межрегионального неравенства. Признание ценности каждого места породило новое требование к локально-адресной политике – быть «локально-чувствительной», или локально-настраиваемой.

Параллельно в русскоязычном сегменте литературы развивалась схожая дискуссия о направлениях пространственного развития российской экономики и принципах региональной политики. Предметом обсуждения стали вопросы, касающиеся территориальной концентрации социально-экономического роста в городах и способов сокращения межрегионального неравенства. Особенность дебатов состояла в том, что они происходили вокруг сменяющихся версий стратегий пространственного развития, основанных зачастую на противоположных принципах.

Ключевые слова: расстояние; пространство; мобильность; город; региональная политика; межрегиональное неравенство; экономическая эффективность; дискуссия

Для цитирования: Мельникова Л.В. Эффективность и равенство: двадцать лет дискуссии о пространственном развитии // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 1 (113). – С. 289–323. DOI: 10.15372/REG20220110.

ВВЕДЕНИЕ

Достижение баланса между целями равенства и эффективности при разработке социально-экономической политики – в значительной степени нерешенная задача, которая в случае региональной политики, с учетом неизбежно пространственного характера государственного вмешательства и его последствий, превращается в конфликт целей между территориальной концентрацией экономики и сбалансированным развитием регионов. Обсуждение этой проблемы в течение последнего десятилетия породило три потока литературы.

Первый из них – это публикации, посвященные проблеме, которая, на первый взгляд, относится к области классической философии с ее базовыми категориями пространства и времени. На рубеже XX–XXI вв. был выдвинут тезис о «смерти расстояния» в ходе технического прогресса [21]. Его сторонники утверждали, что вследствие свободного перемещения информации, идей, людей и капиталов возникнет дисперсия экономической деятельности в пространстве, или «плоский мир», по образному выражению Т. Фридмана [32].

С другой стороны, в анализе экономики обширных и удаленных стран, где географический фактор невозможно игнорировать, уже более полувека используется аргумент «тирании расстояния» [16]. Из этой дискуссии следуют разные выводы для региональной политики. Если принять точку зрения сторонников «плоского мира», то роль пространства как места осуществления человеческой деятельности уменьшается и региональная политика вправе игнорировать этот фактор. В противном случае меры региональной политики должны быть дифференцированы в зависимости от места ее реализации.

Этот поток литературы идейно перекликается с двумя дискуссиями о принципах региональной политики в англоязычном и русскоязычном сегментах научных публикаций. За рубежом происходили дебаты между приверженцами так называемых «пространственно-нейтрального» (space-neutral) и «место-ориентированного» (place-based) подходов к региональной политике. Первые предлагали создавать условия для концентрации ресурсов в отдельных городах и регионах, которые вносят наибольший вклад в национальный рост, вторые, напротив, считали целесообразным искать недоиспользуемый потенциал экономического роста в поселениях всех рангов и создавать условия для его раскрытия.

Для российской экономики выбор принципов региональной политики был особенно сложен, о чем свидетельствовали 20-летние дебаты, сопровождавшие процесс разработки Стратегии пространственного развития Российской Федерации. Предметом споров выступали аргументы о роли агломераций в ускорении экономического роста страны, о роли Сибири и Арктики в ее развитии. Дискуссия о принципах российской региональной политики продолжается до сих пор. Далее в статье мы последовательно рассматриваем все три потока литературы.

«СМЕРТЬ» ИЛИ «ТИРАНИЯ» РАССТОЯНИЯ?

Метафора «смерть расстояния» как квинтэссенция оптимизма в отношении перспектив преодоления «сопротивления пространства» вошла в современный дискурс в 1997 г. из статьи Ф. Кернкросса [21]

и вызвала всплеск дебатов о роли пространства в экономике, быстро меняющейся под воздействием технологических изменений в области транспорта и телекоммуникаций. Но идея о сокращении пространства возникла значительно раньше и восходит к эпохе революционных преобразований в транспорте, связанных с использованием пара [68]. В своем обширном обзоре А. Литвин показывает, как концепция «уничтожения пространства» из поэтическо-философской метафоры начала XVIII в. спустя 100 лет, по мере распространения паровых судов и паровозов, превратилась в эпитет индустриальной мобильности и вошла в политэкономическую пространственную редукционизма. Возникновение названной теории связывают с последними работами А. Сен-Симона, провозглашавшего исчезновение национальных границ в результате роста мобильности. Применив к этой идее диалектический метод, К. Маркс представил процесс накопления капитала как непрерывное пространственное расширение рынка и одновременное сокращение времени на перемещение, т.е. «уничтожение пространства с помощью времени» [42].

На марксистской основе и с учетом прогнозов М. Хайдеггера о потере значимости «места» во все более единообразном пространстве Д. Харви с 1970-х годов развивал концепцию «сжатия времени-пространства» для характеристики ускорения движения капиталов и социальной жизни в целом [40]. Параллельно эта концепция широко использовалась и в транспортной географии в анализе «конвергенции времени-пространства» (термин, введенный Д. Джанеллем [39]), измеряемой сокращением времени поездки между двумя локациями в результате инноваций на транспорте. С другой стороны, в то же время Дж. Блейни ввел выражение «тирания расстояния», означающее невыгодность удаленного расположения экономики из-за повышенных затрат на преодоление расстояния. Автор полагал, что удаленность полностью определила судьбу Австралии и ее жителей, структуру ее экономики [16]. В этом смысле он продолжал традиции А. Смита, который связывал «варварское и дикое состояние» современных ему «Татарии и Сибири» с низкой транспортной доступностью [62, р. 21]. Концепция «сопротивления пространства» легла в основу «первого закона географии» У. Тоблера, согласно которому

«все связано со всем остальным, но близкие предметы связаны сильнее по сравнению с удаленными» [65, р. 236].

За полвека, прошедшие со времени публикации работы Дж. Блейни, изоляция Австралии значительно ослабла, поскольку экономические связи были переориентированы в направлении экономических центров Тихоокеанского региона [56]. Более мощным, глобальным фактором сжатия пространства стало сокращение удельных затрат на транспорт и связь. Так, с 1930 по 2000 г. стоимость морских перевозок и портовых сборов на тонну груза уменьшилась на две трети, пассажирские авиаперелеты подешевели почти в 10 раз, а стоимость трехминутного телефонного разговора между Нью-Йорком и Лондоном сократилась на 99,9% [20]. Отсюда следовало ожидать как минимум уменьшения роли фактора транспортно-коммуникационных затрат в размещении производства. На рубеже XX–XXI вв. в пользу этого предположения свидетельствовали повсеместное распространение интернета, сверхдлинных авиаперелетов, морских контейнерных перевозок, интеграция финансовых рынков. По мнению Ф. Кернкросса, прогресс в области телекоммуникаций должен был уничтожить расстояние как фактор, влияющий на жизнь и бизнес [21], тогда как Р. О’Брайен провозгласил «конец географии» на финансовых рынках [51]. Исходя из перспектив свободного перемещения информации, идей, людей и капиталов в пространстве, Т. Фридман выдвинул идею «плоского мира», в котором исчезает значение фактора расстояния [32]. В самом деле, теоретически если транспортные затраты пренебрежимо малы, то фирмы могут выбирать любую точку пространства для размещения, так что в перспективе должна возникать дисперсия экономической деятельности.

Эти тезисы приобрели популярность, особенно в публицистике, и стимулировали эмпирические исследования. Основным инструментом для тестирования стали гравитационные модели [35]. В моделях такого типа объемы торговли между странами прямо пропорциональны размерам экономики партнеров и обратно пропорциональны расстоянию между ними в степени -1 . Оценка «коэффициента расстояния» характеризует эластичность объемов торговли по расстоянию,

которая интерпретируется как сила «сопротивления пространства», неявно определяемая затратами на его преодоление. Подавляющее большинство оценок эластичности показали, что на оцениваемых временных промежутках коэффициенты были стабильными или устойчиво росли, что противоречило идеям об уменьшающейся значимости географии. Оценки, показывающие снижение коэффициентов расстояния в гравитационной модели, были немногочисленны [17; 30]. В настоящее время накоплено столько оценок эластичности, что на их базе выполнено несколько метаанализов, которые показывают, что в среднем значения эластичности стремятся к единице (т.е. рост расстояния между партнерами на 10% снижает интенсивность двусторонней торговли на 10%) [27; 35; 63; 64]. Таким образом, несмотря на очевидное снижение тарифов, удвоение расстояния в среднем наполовину уменьшает объем взаимодействий.

Полученные оценки шли вразрез с прогнозами глобализации, что породило серию исследований «загадки расстояния», или «загадки пропавшей глобализации» [25]. Поиски шли в направлении уточнения выборок стран, видов деятельности, спецификации самих моделей. Выяснилось, что фактор расстояния сильнее сокращает торговлю между бедными странами в сравнении с торговлей между богатыми [23]. Далее, торговля между развитыми странами – преимущественно внутриотраслевая, дифференцированными товарами, тогда как экспорт развивающихся стран основан на рикардианских товарах, обладающих сравнительными преимуществами, и направлен в развитые страны. Соответственно, с ростом доли внутриотраслевой торговли негативное влияние расстояния на общие объемы торговли должно увеличиваться [47]. Другое объяснение относится к вертикальной специализации: стремительный рост торговли промежуточными товарами требует затрат на координацию поставок между партнерами, что удерживает их от удаленных взаимодействий [26]. Ослабление влияния расстояния на торговлю проявляется только в группе высокоразвитых стран, для которых значение эластичности может падать до 0,5 [50]. С другой стороны, для ресурсных товаров эластичность торговли по расстоянию значительно выше, чем для

промышленных товаров, что сохраняет «тиранию расстояния» в странах – экспортерах ресурсов, таких как Австралия, Новая Зеландия, Чили, Перу, Бразилия, ЮАР [59].

Технический прогресс на транспорте способствовал снижению транспортных тарифов, но сопровождался ростом интенсивности грузовых и пассажирских перевозок, так что несмотря на сокращение в структуре экономики доли транспортоспособных отраслей, объем транспортных услуг не уменьшился. В структуре затрат сократилась транспортная составляющая, но выросла доля логистических и транзакционных издержек [57]. В структуре информационных издержек снижаются затраты на передачу стандартизированной информации, но возрастание объема и сложности неформализованной информации требует непосредственных контактов между людьми [46]. В результате, согласно статистике ЮНКТАД¹, с 1970 по 2019 г. доля сектора «Транспорт, хранение и связь» в валовой добавленной стоимости в целом увеличивалась: с 7,8 до 8,7% в мировой экономике и с 8,3 до 9,9% в 57 странах, относящихся по методологии ЮНИДО к промышленно развитым². Даже считающийся «антипространственным» интернет демонстрирует затухание IP-связности по мере роста расстояния между локациями, поскольку его физическая инфраструктура тяготеет к агломерации [67].

Таким образом, эмпирические оценки показывают, что в силу сопротивления пространства более близкие объекты взаимодействуют интенсивнее. Но было бы ошибочным относиться к прогнозам о сжатии пространства лишь как к ярким метафорам. Исследования, выполненные в течение четверти века после провозглашения «смерти пространства», выявили, что вследствие структурных различий оно сжимается неравномерно, приближая друг к другу успешные страны и регионы и оставляя отстающих на периферии.

¹ URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=95>.

² URL: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2018-03/Country_Grouping_in_UNIDO_Statistics_2013.pdf.

ПРОСТРАНСТВЕННО-НЕЙТРАЛЬНЫЙ И МЕСТО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОДЫ К РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Итак, технический прогресс не уничтожил значимость места в пространстве, следовательно, условия для межстранового и межрегионального неравенства сохранились. Неизбежность дифференциации рынков в пространстве прямо вытекает из размещения фирм в разных его точках и из допущения ненулевых транспортных затрат и возрастающей отдачи от масштаба. Тогда даже при прочих равных условиях возникает разница в затратах и, следовательно, в рентабельности фирм, а с учетом физической и ценовой неоднородности пространства межрегиональные различия становятся неизбежными и усугубляются далее различиями в темпах экономического роста. Существует несколько традиций объяснения межрегионального неравенства. В неоклассической теории межрегиональная дифференциация темпов роста определяется различиями региональных темпов накопления капитала. В моделях эндогенного роста различия возникают вследствие региональных особенностей накопления человеческого капитала и знаний в сфере исследований и разработок. В теориях эволюционного роста они зависят от темпов распространения инноваций посредством адаптивного поведения фирм в рамках региональной инновационной системы. В моделях новой экономической географии (НЭГ) неравное распределение экономической деятельности и, следовательно, доходов между регионами является результатом кумулятивного притока мобильных ресурсов в один из двух регионов и зависит от динамики транспортных издержек относительно экономики от масштаба и от предыдущего состояния.

Задачи региональной политики состоят в том, чтобы обеспечить сбалансированный устойчивый рост экономики регионов и при этом не допустить увеличения межрегионального неравенства по доходам и занятости. Эти задачи основаны на аргументах *эффективности* и *равенства*. Аргумент эффективности опирается на предположение, что действие рынка обеспечивает эффективное распределение ресурсов и региональная политика призвана исправлять несовершенства рынка, т.е. устранять барьеры на пути свободного обмена товарами

и движения ресурсов. Аргумент равенства исходит того, что чрезмерные диспропорции в распределении благосостояния между социальными группами, регионами и отраслями недопустимы с моральной точки зрения и представляют политический риск для единства государства, следовательно, региональная политика должна способствовать перераспределению ресурсов между регионами в желательном направлении [43].

Проявлением классического противоречия в целеполагании региональной политики стала дискуссия о «пространственно-нейтральной» (place-neutral) и «место-ориентированной» (place-based) стратегиях, инициированная в 2009 г. публикацией доклада Всемирного банка [70] и меморандума Европейской комиссии [13]. Согласно первому докладу, «в странах, где труд и капитал мобильны, экономическая дистанция между отстающими и лидирующими районами должна устраняться в основном с помощью пространственно-слепой (space-blind), или универсальной, политики» [70, p. 230]. Таким универсальным инструментом должна служить межрегиональная мобильность, в частности миграция работников и компаний в успешные города. Во втором докладе обосновывается выбор противоположного подхода, сфокусированного на территории («месте»), на раскрытии экономического и социального потенциала каждого места. Инструменты место-ориентированной политики – государственное вмешательство и многоуровневое управление. Ф. Барка считает, что «пространственная слепота» политики – лишь ширма, которой прикрывают ее неизбежно территориальный фокус [13, p. vii].

Оба подхода имеют долгую историю. Еще в 1960-х годах Л. Винник обозначил дихотомию между мерами политики, нацеленными на «процветание людей», и мерами, нацеленными на «процветание мест» [69]. Первый тип политики подразумевал помощь уязвимым группам населения независимо от их места проживания, второй – помощь населению по признаку проживания в проблемном регионе [18]. Содействие «процветанию людей» осуществляется «непрямыми» мерами региональной политики, включая поощрение миграции, переобучение, образовательные программы, обеспечение санитарных стандартов. В результате растут благосостояние целевых групп, уро-

вень занятости и в целом эффективность национальной экономики, но структурные проблемы регионов остаются нерешенными. Содействие «процветанию мест» требует «прямых» мер региональной политики, таких как поощрение развития региональной инфраструктуры, привлечение бизнеса и в итоге создание рабочих мест [54]. Такие меры помогают реализовать местные сравнительные преимущества, но перераспределение ресурсов в стагнирующие регионы снижает суммарную эффективность национальной экономики. Эти два типа политики – «человеко-ориентированный» (people-based) и «место-ориентированный» (place-based) – в риторике еще называют «доставка людей к рабочим местам» и «доставка рабочих мест к людям».

К концу прошлого века в экспертном сообществе накопилось разочарование результатами региональной политики «пространственной ребалансировки», которая, по сути, являлась перераспределительной. С 2000 по 2010 г. индекс межрегионального неравенства³ по душевому ВВП увеличился с 0,067 до 0,073 [52]. Проблемы межрегионального неравенства ни в какой степени не были решены такими мерами, как привлечение иностранных инвестиций, субсидирование переезда фирм в отсталые регионы, инвестирование в инфраструктуру. Усиление протекционизма, рост глобализации и ее отторжение региональными сообществами, рост социального неравенства, истощение природных ресурсов стали новыми препятствиями на пути к процветанию регионов. В то же время накопились новые знания об экономическом росте, основанном на эндогенных механизмах, агломерационной экономии и роли институтов в развитии. В этих условиях и вышли в свет влиятельные доклады, провозглашавшие разные принципы региональной политики.

Пространственно-нейтральная политика. В докладе Всемирного банка (далее ВБ) вместо выбора между целями «процветания людей» или «процветания мест» предлагается универсальная цель – содействие развитию тех видов экономической деятельности, которые обеспечивают максимальную отдачу в национальном масштабе.

³ Индекс межрегионального неравенства оценен аналитиками ОЭСР на базе 1509 регионов 26 стран ОЭСР как отношение душевого ВВП в верхнем квинтиле богатейших регионов к душевому ВВП в нижнем квинтиле беднейших.

Тогда в передовых регионах предложенная политика оказывается «долгосрочными инвестициями в места», а в отстающих – «мобильными инвестициями в людей», стимулирующими миграцию и ускоряющими сокращение бедности [70]. Политика стимуляции мобильности нацелена на уменьшение издержек миграции для людей и включает в себя развитие транспортной инфраструктуры для повышения пространственной связности, повсеместное обеспечение базовых общественных услуг (здравоохранения, образования, санитарии и безопасности), а также прогрессивное налогообложение.

По мысли авторов доклада ВБ, реализация этой политики приведет к тому, что люди переедут в места с более производительной экономикой, где смогут найти рабочие места, оплачиваемые выше, чем в покинутых ими регионах. В результате дифференциация населения по доходам сократится, а в опустевающих отстающих регионах абсолютно уменьшится бедность⁴. Предлагаемые меры обоснованы ссылками на теорию НЭГ, где пространственное неравенство – неотъемлемая черта экономического роста, который концентрируется в наиболее развитых и плотнонаселенных регионах в результате кумулятивного притока мобильных ресурсов. В модели «центр – периферия» дисперсия экономической деятельности между регионами является неустойчивым равновесием, а место возникновения агломерации предсказать невозможно, оно зависит от прошлых решений фирм. Отсюда следует, что региональная политика, которая пытается стимулировать рост в отстающих регионах, будет заведомо неэффективна: вступая в конфликт с рыночными механизмами, она будет препятствовать росту в целом [41]. Сторонники этого подхода советовали избегать адресной поддержки регионов, предоставляя агломерационным силам определять, какие из мест будут «процветающими», а ограниченные ресурсы направлять на создание условий и стимулов

⁴ Подобный механизм уменьшения неравенства действует в неоклассической модели межрегиональной миграции производственных факторов, но даже при ее жестких предпосылках (совершенная конкуренция, бесплатность перемещения, гибкость рынка труда) он не обязательно приводит к межрегиональному выравниванию: результатом миграции может быть и концентрация экономической деятельности в одном регионе [22].

для перемещения факторов в места их наиболее продуктивного использования. Согласно теориям городской экономики, это большие города. Имея преимущества в производительности и инновациях, основанные на концентрации и плотности экономической деятельности, города могли бы распространять экономический рост на периферию естественно-рыночным путем, что в конечном счете способствовало бы сглаживанию пространственного неравенства [24; 33].

Ключевой тезис доклада ВБ «мир не плоский» был по достоинству оценен экспертами, как долгожданное признание экономистами мейнстрима роли пространства в экономике [55]. Наибольшие сомнения вызвали тезисы о пространственной «нейтральности» предлагаемой политики, о превосходстве крупных городов и роли мобильности в смягчении пространственного неравенства. «Кажущиеся пространственно-нейтральными меры политики всегда будут иметь явные пространственные эффекты, многие из которых будут подрывать цели самой политики, если их не учитывать» [14, р. 139]. В условиях, когда регионы различаются по качеству человеческого капитала, институтов и менеджмента, задачи обеспечения даже базовых услуг будут решаться с разной эффективностью, не говоря уже о влиянии инновационной политики [66]. Это приводит к постепенному накоплению межрегиональных различий даже в условиях отсутствия адресной региональной политики.

Пространственно-нейтральная политика, которая поощряет перемещение мобильных ресурсов в определенные места, по сути, недалеко уходит от традиционной перераспределительной политики, с тем отличием, что ориентирована на крупные города. «Пространственно-слепая» политика обычно оборачивается политикой содействия развитию столиц, что отражает влияние рентоориентированных столичных элит во всех сферах общественной жизни [45]. Для того чтобы национальная экономика вышла на границу производственных возможностей, должна эффективно развиваться вся городская и региональная система, а не только города верхнего уровня иерархии [14]. Более того, современные исследования городской экономики снизили пафос в отношении влияния агломерационных эффектов на производительность труда. Если в начале века Р. Флорида обосно-

ывал степенной закон городского роста («удвоение населения дает более чем удвоенный творческий и экономический результат» [31]), то в 2019 г. на основе обширного метаанализа накопленных эмпирических оценок было показано, что при удвоении размера города производительность возрастает в среднем на 4,7% [34].

Предлагаемая в докладе ВБ политика содействия мобильности и связности призвана обеспечить «экономическую интеграцию» между передовыми и отстающими регионами посредством торговли и миграции факторов и в конечном счете содействовать выравниванию доходов. Но такой прогноз основан на игнорировании изначально неравного распределения производственных ресурсов, которые с ростом пространственной связности скорее будут стягиваться в богатые регионы, усиливая межрегиональное неравенство (что и происходит в моделях НЭГ при снижении транспортных издержек). Эмпирические работы показывают, что «инфраструктурная политика часто приводит к дальнейшей концентрации экономической деятельности, поляризации регионов и все большей маргинализации периферийных регионов» [14, р. 137]. Крупнейшие города будут вероятнее взаимодействовать с другими мировыми городами, чем распространять рост на территорию ближайших регионов [44].

Критики указывали на то, что в основе доклада ВБ лежала общая для моделей городской экономики жесткая предпосылка о совершенной мобильности [60]. Отсюда недооценивались как экономические, так и человеческие и социальные издержки межрегиональной миграции, связанные с местными историей, культурой, традициями [58], которые формируют устойчивые межстрановые различия по уровню мобильности. Например, в США мобильность населения выше, чем в европейских странах [15]. Поэтому роль миграции в сглаживании межрегиональных различий может быть преувеличена.

Оценивая свой доклад 10 лет спустя, его авторы признали, что сосредоточившись на экономических эффектах агломерации и миграции, не могли предвидеть: 1) что возможна скученность без урбанизации (как в переполняющихся городах Индии и Африки); 2) что миграция вызовет политическую враждебность в США и Европе;

3) что Китай своей инициативой «Один пояс – один путь» опрокинет предписанный в докладе приоритет институтов над инфраструктурой⁵.

Место-ориентированная политика. Доклад Европейской комиссии, в котором объявлено о реформе европейской политики сплочения, не предлагает выбора между целями равенства и эффективности. Представленный в нем новый подход⁶ к место-ориентированной политике ставит одновременно две цели: «дать всем местам возможность использовать свой потенциал (эффективность), а всем людям – возможность быть включенными в общество независимо от места их проживания (социальная инклюзия)» [13, р. xii]. Доклад исходит, во-первых, из признания важности географических условий, социальных, культурных и институциональных характеристик места. Во-вторых, ключевым является вопрос знания. «...Что делать, когда и где? Ловушки отсталости... являются результатом бездействия местных элит и могут быть устранены только с помощью новых знаний и идей: цель политики развития состоит в их поощрении посредством взаимодействия местных и внешних элит, вовлеченных в политику» [14, р. 139]. Если потенциал места в данное время из-за недостатка знаний, идей, опыта и из-за провалов в действиях местных властей не реализован полностью, то требуется адресное вмешательство.

Выбор любой адресной политики может быть обоснован аргументами эффективности, опирающимися на агломерационную экономию от масштаба [49]. Поскольку при размещении экономической деятельности возможны множественные равновесия, то вполне оправданным может быть внешнее вмешательство (например, субсидирование иммиграции или экономического роста), для того чтобы перейти от равновесия с низкими занятостью и плотностью к другому, с высокими показателями, если выигрыши перевесят затраты на осуществление стимулирующих мер [48]. Эти рекомендации, выводив-

⁵ URL: <https://www.worldbank.org/en/events/2019/03/25/world-development-report-2009-reshaping-economic-geography#3>.

⁶ Традиционно место-ориентированная политика определялась как усилия властей улучшить экономические показатели территории в своей юрисдикции, причем не обязательно направленные только на отстающие регионы [49].

мые из теории НЭГ, прямо противоположны принципам невмешательства, получаемым сторонниками пространственно-нейтрального подхода из той же самой теории.

Следующее обоснование – компенсация несовершенств региональных рынков труда, описываемых так называемой гипотезой пространственного несоответствия: 1) в случае упадка региона работники с низкой квалификацией оказываются заблокированными внутри него; 2) при этом сетевые эффекты в распространении информации внутри местного сообщества могут как ослабить, так и усилить результаты региональной политики [49]. Из несовершенства рынка следует неполное использование местных мобильных ресурсов труда, тогда как пространственно-нейтральный подход исходит из того, что рынок гарантирует полное использование ресурсов.

Отсюда следует, что в опустевающих регионах немобильные ресурсы (местные навыки и знания, природные ресурсы и культурный ландшафт, традиционные формы самоорганизации общества) также недоиспользуются. На этом базируется основной аргумент эффективности, выдвигаемый идеологами место-ориентированного подхода. Его можно вывести, во-первых, из моделей НЭГ, которые допускают Парето-неэффективное размещение деятельности даже при рациональном поведении экономических агентов [53], и, во-вторых, из теории эволюционной экономической географии (ЭЭГ), которая подчеркивает значение фактора времени («сопротивления времени») и исторического контекста для объяснения изменений в пространственной организации экономики.

Теория ЭЭГ основана на принципах дарвинизма (внедрение, отбор и сохранение видов), теории адаптивных сложных систем и на идеях зависимости от прошлого пути [19]. В ней возникает концепция «сопротивления времени», поскольку каждая стадия эволюции требует времени: 1) рост, развитие и распространение идей и инноваций; 2) их отбор рынком и влияние политики на этот отбор; 3) воздействие зависимости от прошлого пути на развитие региона [36]. Время препятствует развитию пространства. Не случайно в критике пространственно-нейтрального подхода часто звучит аргумент, что для естест-

венной диффузии роста на территорию слабого региона может просто не хватить времени⁷.

С помощью эволюционного подхода Дж. Серавалли показал, почему локальные немобильные ресурсы региона могут оставаться недоиспользованными, даже если он не испытывает отток мобильных ресурсов. На основе устоявшихся процедур принятия решений, привычного мышления возникают влиятельные институты, создающие адаптивные механизмы согласия в местном сообществе и формирующие коллективную идентичность. Поэтому в ситуации, когда требуются нововведения, в регионе может возникнуть сильное сопротивление как конкретному проекту, так и новациям вообще. Если сообщество ощущает угрозу своей идентичности извне, региональная политика может потерпеть неудачу, так как она предполагает именно внешнее участие. Здесь нельзя применить опыт других стран, формулы и «лучшие практики», так как требуется конкретный опыт взаимных действий местных участников проекта. Наличие успешного опыта могло бы способствовать изменению привычных процедур и традиций, но его отсутствие создает «ловушку». В результате заинтересованные в сохранении статус-кво имеют все шансы победить желающих перемен. Если проект развития в регионе не осуществляется, местные ресурсы остаются недоиспользованными, а наличие «ловушек» блокирует их и далее [61].

Но в настоящее время аргументация место-ориентированной политики гораздо убедительнее, чем ее результаты, либо слабые, либо неопределенные. Они не доказывают, что адресная политика эффективнее более нейтральных мер и достигает собственных целей. Оценки эффектов от создания специальных экономических зон, от инвестиций в инфраструктуру и в университеты не обнаруживают устойчивости даже в случае явного положительного эффекта: экономический рост в зонах вмешательства наблюдается лишь до тех пор, пока действуют программы стимулирования [49]. Одной из причин может

⁷ По сравнению с эпохой Маркса, когда ускоряющийся рост капитала расширял географию рынков, в современных условиях из «орудия уничтожения пространства» время превращается в ресурс, дефицит которого воздвигает барьер на пути усложнения пространства.

быть недоучет на стадии разработки программ косвенных эффектов, относящихся к решениям частных фирм разместиться в целевом регионе. Фирмы приходят в регион не только потому, что в нем создается общественная инфраструктура, но и под влиянием инвестиционных решений других фирм. Ожидания относительно будущего региона могут обернуться как притоком, так и оттоком фирм, и это очень сложно прогнозировать [28].

Тем не менее в течение последнего десятилетия в регионах ОЭСР наблюдается замедление роста индекса межрегионального неравенства по душевому ВВП: значение индекса выросло с 0,073 в 2010 г. до 0,076 в 2019 г. [52]. В регионах ЕС, поддерживаемых трансфертами на сплочение, экономический рост ускорился, но неравенство между метрополитенскими ареалами не уменьшается, из чего следует, что «экономические силы перекрывают влияние европейской политики сплочения». Предполагается, что место-ориентированная политика, возможно, все-таки смягчила рост неравенства в Европе, хотя и незначительно [29].

Постепенно диспутанты приходят к выводу, что в мире, где одни люди мобильны, а другие нет, полемика по принципу «или – или», противопоставление пространственно-слепого и место-ориентированного подходов малополезны. Важнее понимать, что в зависимости от типа применяемой политики в разных регионах ее экономическая эффективность, воздействие на пространственные различия и выигрыши для разных групп людей будут разными [29].

Все больше авторов видят перспективы решения дилеммы в том, чтобы сделать локально-адресную политику «локально-чувствительной» (place-sensitive), или локально-настраиваемой. Локально-чувствительная политика «распределенного развития» должна обеспечивать дифференцированный подход к разным клубам регионов. Она призвана помогать: 1) самым богатым – удерживать свои преимущества в инновациях; 2) «среднякам» – избежать «ловушки среднего дохода»; 3) беднейшим – использовать их временные преимущества в эффективности, основанные на низкой стоимости труда и земли, чтобы успеть перейти в клуб регионов со средним доходом [38]. Другой набор мер настраивается в зависимости от того, насколько

сильны в регионе агломерационные эффекты. В метрополитенских ареалах цель политики – сохранить агломерацию, а для этого надо поддерживать обновление видов деятельности и передовые научные разработки и предотвращать скученность. Старопромышленные регионы требуется уберегать от деагломерации и социальной эрозии путем поддержки диверсификации и новых видов деятельности. Периферия – удаленные, сельские и отсталые регионы – нуждается в стимулировании агломерационных эффектов. Для этого нужно поощрять инвестиции и создание новых рабочих мест. Общими для всех регионов являются меры по связыванию центра и периферии через поощрение развития инфраструктуры [12].

РОССИЙСКИЕ МОДЕЛИ ПОЛЯРИЗОВАННОГО И СБАЛАНСИРОВАННОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Региональную политику СССР можно охарактеризовать как в основном перераспределительную. Сдвиг производительных сил на восток целенаправленно осуществлялся в течение всего советского периода, и лишь к концу его появилась, например, программа развития Нечерноземья. В Основных положениях региональной политики в Российской Федерации от 1996 г., выдержанных в традиционной идеологии выравнивания, были на 20 лет закреплены такие цели, как «обеспечение единых минимальных социальных стандартов и равной социальной защиты... независимо от экономических возможностей регионов; выравнивание условий социально-экономического развития регионов»⁸.

Горькое поражение социализма, казалось, дискредитировало многолетнюю выравнивающую политику и высвободило новые идеи. Впервые разрыв с традициями был заявлен в знаменитой «программе Грефа» от 2000 г., сформулировавшей запрос на «нормальную региональную политику», призванную сменить особую «северную поли-

⁸ Указ Президента РФ от 03.06.1996 № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23. – Ст. 2756.

тику». Новая политика должна была «исходить из того, что Север является органической частью общего экономического пространства России, на котором должны действовать общие экономические условия и “правила игры”»⁹. Предлагалось отменить районные коэффициенты, расширять вахтовый метод, стимулировать миграцию из северных регионов. Эти пространственно-нейтральные меры были направлены на повышение мобильности труда и прекращение искажающих ценовых сигналов.

Идеи Всемирного банка в популярной форме были донесены до российской аудитории за несколько лет до известного доклада – в бестселлере «Сибирское проклятие: как большевики забросили Россию в холод», в котором пространственная структура экономики России была объявлена искусственным результатом советского планирования. В этой книге оригинальным образом эффективность экономической деятельности в регионе была поставлена в зависимость от его среднеянварской температуры¹⁰. Соответственно, в духе идей Всемирного банка рекомендовались меры поддержки мобильности (субсидии гражданам на выезд из районов Крайнего Севера, снятие существовавших тогда ограничений по прописке), чтобы увеличить долю населения в теплых (т.е. «более продуктивных») регионах [37].

Одними из первых сформулировали принципы поляризованного развития для России архитектор В.Л. Глазычев и философ П.Г. Щедровицкий в докладах Центра стратегических исследований ПФО. Ссылаясь на некие «оценки ученых Брукингского института», они постулировали неэффективность пространственной организации России и призвали «пересобрать» российское пространство не только из отраслей, но и из территорий. В абсолютно технократической Концепции пространственного развития в РФ пространственная органи-

⁹ Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу (проект). – URL: <https://web.archive.org/web/20100918062948/http://budgetrf.ru/Publications/Programs/Government/Gref2000/Gref2000000.htm> .

¹⁰ Авторы книги высоко оценили вклад А.П. Паршева, который в своем публицистическом произведении «Почему Россия не Америка» еще в 1999 г. попытался оценить роль климата и географии в судьбе российской экономики.

зация страны была представлена как «опорный каркас» с узлами-агломерациями и «опорными регионами», призванный «удержать большое пространство» страны [10]. Эта терминология надолго определила уровень обсуждения проблемы. Идея о принципиальной роли агломераций в экономическом росте и далее продвигалась усилиями градостроителей, таких как институт «Гипрогор»¹¹ или ныне влиятельный Центр городской экономики «КБ Стрелка».

Идеи место-ориентированной региональной политики в России 1990-х годов поддерживались Европейской комиссией в рамках программы технической помощи TACIS. Результатом проекта «Разработка региональной политики, направленной на уменьшение экономической, социальной и правовой асимметрии» стала концепция региональной политики С.С. Артоболевского. Концепция отвергала отраслевой подход и разрозненность усилий федеральных властей в решении региональных проблем и предлагала долгосрочную стратегию территориального развития. В 2001 г. актуальной была проблема сохранения единства страны, и поэтому в ряду целей региональной политики эта цель была поставлена на первое место, далее следовали обеспечение социальной справедливости и содействие экономическому развитию. Автор ориентировал меры политики «на подъем самых слабых территорий, а не на развитие наиболее перспективных... ареалов» [1]. На минимизацию региональных диспропорций была направлена и доктрина регионального развития С.С. Сулакшина, В.Н. Лексина и др. [3].

В России, с ее длительной историей территориального планирования, идеи политики сбалансированного развития не воспринимались как что-то новое. Может быть, поэтому концепция «агломерации – драйверы роста» была встречена с таким энтузиазмом. Новый ресурс «синергии городского развития» подавался в полемике как почти бесплатный: для достижения экономического чуда достаточно было позволить ресурсам собираться в агломерациях! Если «городская плотность обеспечивает самый ясный путь от бедности к процветанию» [33, р. 1], то неудивительно, что такая перспектива полу-

¹¹ URL: <http://www.giprogor.ru/analytics/reports>.

чала благосклонное внимание в федеральных ведомствах, ведь появилась возможность освободиться от обременительной и кропотливой работы по поддержке проблемных поселений. В этом смысле Россия не представляет собой исключения. А. Родригез-Позе свидетельствует, что в последнее десятилетие политики с энтузиазмом подхватывают такие идеи и стараются донести их до жителей проблемных регионов [59].

В общественном пространстве свежим ключом забили яркие метафоры: «регионы – локомотивы роста», «города – драйверы развития», «эффективное сжатие пространства». Научное сообщество было увлечено набиравшей популярность теорией НЭГ, которая менее чем за 20 лет прошла путь от первых постановок до Нобелевской премии П. Кругмана. В доступной форме новые идеи продвигал Всемирный банк, который адаптировал свой доклад 2009 г. для России¹² наряду с другими подобными изданиями для стран Африки, Азии, Карибского бассейна, Средней Азии. С другой стороны, выступления профессиональных региональных экономистов, говоривших на языке «оптимизации территориальных пропорций», «согласования региональных и народнохозяйственных интересов», не были увлекательны. Их призывы повышать степень переработки добываемых ресурсов и диверсифицировать экономику восточных регионов, налаживать кооперативные связи между севером и югом Сибири после многих лет повторения звучали как привычные мантры. Может быть, поэтому в полемике сторонники полярного развития были на шаг впереди. На фронте публицистики отдельными отрядами выступали консерваторы, требовавшие вернуть советскую систему поддержки северных территорий в полном объеме, и алармисты, подозревавшие сторонников поляризованного развития в покушении на целостность страны.

В течение 20 лет дебаты о принципах российской региональной политики разворачивались вокруг сменявших друг друга версий Стратегии пространственного развития РФ. Регулярно менялись веса приоритетов эффективности и справедливости. С принятием в 2017 г. Основ государственной политики регионального развития Россий-

¹² URL: <http://hdl.handle.net/10986/13052>.

ской Федерации на период до 2025 года позиции сторонников поляризованного развития, казалось, упрочились. В результате реализации данного закона ожидается, например, не выравнивание, но «сокращение пространственных различий», а также «дальнейшее развитие процесса урбанизации, в частности развитие крупных городских агломераций»¹³. С другой стороны, принятая в 2019 г. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года направляет пространственное развитие на «сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения» и устанавливает такие приоритеты, соблюдение которых должно приводить к более равномерному пространственному распределению экономической деятельности. Таким образом, два основополагающих федеральных документа в области региональной политики сохраняют некоторую двойственность в отношении выбора преобладающей модели пространственного развития.

Разработка направлений пространственного развития в России, как правило, сопровождается активизацией научной и общественной дискуссии, в отличие, например, от отраслевых стратегий. На стадии обсуждения высказались как разработчики [11], так и ученые-эксперты, которые вносили свои предложения по содержанию и методологии [2] и с тревогой наблюдали процесс изменения приоритетов стратегии в ходе ее разработки [5; 9]. После принятия стратегии наступило время рефлексии [4; 6] и разочарования результатом: пространственное развитие России вновь направлено на путь, «который мы не выбирали» [7], с помощью стратегии, основанной на концепции социально-экономического «дирижизма» [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели три потока обсуждений проблем пространственного развития, происходивших в течение последних 20 лет в разных, но сообщающихся областях региональной науки. Вопрос об

¹³ См.: Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: <http://base.garant.ru/71587690/>.

ускоряющемся сокращении пространства с течением времени представляется наиболее абстрактным, но, как выясняется, он вызван к жизни реальными достижениями технического прогресса в транспорте и коммуникациях, изменениями в организации производственных процессов и структурными различиями стран и регионов при сохраняющемся социально-экономическом неравенстве между ними. Пространство успешно сопротивляется, несмотря на видимое снижение транспортных тарифов. Процесс сжатия пространства происходит неравномерно и создает условия для дальнейшего углубления межрегиональной дифференциации.

Систематические неудачи государств в попытках решить данную проблему средствами традиционной перераспределительной региональной политики породили разочарование в последней и стимулировали появление двух влиятельных школ экспертов, проповедующих принципы пространственно-нейтральной и место-ориентированной политики. В докладе Всемирного банка была поставлена задача сжатия экономического пространства – посредством облегчения перемещений между бедными и богатыми регионами. В докладе Ф. Барки предлагалось искать нераскрытый потенциал роста в поселениях любого ранга, наполняющих пространство и создающих его разнообразие. В ходе дискуссии между школами было показано, что ни первый, ни второй подход не способствует одновременному достижению целей равенства и максимизации роста национальной экономики. Постепенно появились уточнения и компромиссные варианты региональной политики.

Россия вступила в XXI век, оставив в прошлом свою систему централизованного управления пространственным развитием. В течение следующих 20 лет шли поиски рыночных методов достижения тех же целей межрегионального равенства и национальной экономической эффективности. Научная дискуссия происходила между адептами новой для тогдашней России модели поляризованного развития, которые находились под несомненным влиянием пространственно-нейтрального подхода с его фокусированием на потенциале агломераций, и приверженцами модели сбалансированного роста, заклеянной в качестве устаревшей. Особенность принятия важных доку-

ментов в современной системе стратегического планирования такова, что участие научного сообщества состоит в критическом обсуждении проектов стратегий, предъявляемых центральной властью на разных стадиях готовности, иногда в форме утечек информации. Последние вызывают активизацию экспертизы и предложений со стороны ученых, что способствует корректированию разрабатываемых стратегий, но практически не влияет на конечный вариант документа. Научные дебаты происходили вокруг сменяющихся версий стратегий пространственного развития, основанных зачастую на противоположных принципах, что в условиях свободы передвижения ученых и свободного обращения передового научного знания способствовало прояснению теоретических позиций и повышению уровня обсуждения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-110-50400 «Эффективность и равенство: двадцать лет дискуссии о пространственном развитии»)

Список источников

1. Артоболевский С.С. Региональная политика, направленная на снижение территориальных экономических и социальных диспропорций в Российской Федерации: проект концепции // Регион: экономика и социология. – 2001. – № 1. – С. 4–34.
2. Бухвальд Е.М. Какой быть стратегии пространственного развития для России? // Экономическое возрождение России. – 2016. – Т. 47, № 1. – С. 41–52.
3. Доктрина регионального развития Российской Федерации: макет-проект / Сулакшин С.С., Лексин В.Н., Малчинов А.С., Глигич-Золотарева М.В., Колосов В.А., Борисова Н.А., Хаванский Н.А. – М.: Научный эксперт, 2009.
4. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145.
5. Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 2 (98). – С. 264–287.
6. Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 107–125.

7. *Лексин В.Н.* Дороги, которые не мы выбираем (о правительственной «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года») // Российский экономический журнал. – 2019. – № 3. – С. 3–24.
8. *Минакир П.А.* Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: политическая реакция на вызовы XXI века // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / Под ред. В.М. Котлякова, А.Н. Швецова и О.Б. Глезер. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. – С. 346–362.
9. *Михеева Н.Н.* Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. – 2018. – Т. 527, № 5. – С. 158–178.
10. *Россия: принципы пространственного развития: Доклад ЦСИ ПФО* / Под ред. В. Глазыева и П. Щедровицкого. – 2004. – URL: http://www.glazychev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv_oglav.htm (дата обращения: 20.07.2021).
11. *Чузуевская Е.С.* О территориально-пространственных аспектах Стратегии пространственного развития Российской Федерации // Academia. Архитектура и строительство. – 2017. – № 1. – С. 67–71.
12. *Barba Navaretti G., Markovic B.* What Are We Building On? Place-based Policies and the Foundations of Productivity in the Private Sector. – OECD, 2021.
13. *Barca F.* An Agenda for a Reformed Cohesion Policy: A Place-based Approach to Meeting European Union Challenges and Expectations. – Brussels: European Commission, 2009.
14. *Barca F., McCann P., Rodríguez-Pose A.* The case for regional development intervention: Place-based versus place-neutral approaches // Journal of Regional Science. – 2012. – Vol. 52 (1). – P. 134–152.
15. *Beyer R.C.M., Smets F.* Labour market adjustments and migration in Europe and the United States: how different? // Economic Policy. – 2015. – Vol. 30 (84). – P. 643–682.
16. *Blainey G.* The Tyranny of Distance: How Distance Shaped Australia's History. – Sun Books Publ., 1966.
17. *Boisso D., Ferrantino M.* Economic distance, cultural distance, and openness in international trade: empirical puzzles // Journal of Economic Integration. – 1997. – Vol. 12 (4). – P. 456–484.
18. *Bolton R.* “Place Prosperity vs People Prosperity” revisited: An old issue with a new angle // Urban Studies. – 1992. – Vol. 29 (2). – P. 185–203.
19. *Boschma R., Martin R.* The Handbook of Evolutionary Economic Geography. – Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2010.
20. *Busse M.* Tariffs, transport costs and the WTO Doha Round: The case of developing countries // The Estey Centre Journal of International Law and Trade Policy. – 2003. – Vol. 4 (1). – P. 15–31.
21. *Cairncross F.* The Death of Distance: How the Communications Revolution Is Changing Our Lives. – Boston: Harvard Business School Press, 1997.

22. *Carlberg M.* A neoclassical model of interregional economic growth // *Regional Science and Urban Economics*. – 1981. – Vol. 11 (2). – P. 191–203.
23. *Carrere C., de Melo J., Wilson J.* The distance puzzle and low-income countries: An update // *Journal of Economic Surveys*. – 2012. – Vol. 27 (4). – P. 717–742.
24. *Cheshire P., Nathan M., Overman H.* Urban Economics and Urban Policy: Challenging Conventional Policy Wisdom. – Cheltenham: Edward Elgar, 2014.
25. *Coe D.T., Subramanian A., Tamirisa N.T.* The missing globalization puzzle: evidence of the declining importance of distance // *IMF Staff Papers*. – 2007. – Vol. 54 (1). – P. 34–58.
26. *Conconi P., Magerman G., Plaku A.* The gravity of intermediate goods // *Review of Industrial Organization*. – 2020. – Vol. 57 (2). – P. 223–243.
27. *Disdier A.-C., Head K.* The puzzling persistence of the distance effect on bilateral trade // *The Review of Economics and Statistics*. – 2008. – Vol. 90 (1). – P. 37–48.
28. *Duranton G., Venables A.J.* Place-Based Policies for Development / Policy Research Working Paper, No. 8410. – Washington, DC: World Bank, 2018. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29712> (дата обращения: 01.10.2021).
29. *Ehrlich M., Overman H.G.* Place-based policies and spatial disparities across European cities // *Journal of Economic Perspectives*. – 2020. – Vol. 34 (3). – P. 128–149.
30. *Eichengreen B., Irwin D.A.* The role of history in bilateral trade flows // *The Regionalization of the World Economy* / Ed. by J.A. Frankel. – Chicago: University of Chicago Press, 1998.
31. *Florida R.L.* The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. – N.Y.: Basic Books, 2002.
32. *Friedman T.L.* The World Is Flat: a Brief History of the Twenty-First Century. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2005.
33. *Glaeser E.* Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier. – London: Macmillan, 2011.
34. *Graham D.J., Gibbons S.* Quantifying wider economic impacts of agglomeration for transport appraisal: Existing evidence and future directions // *Economics of Transportation*. – 2019. – Vol. 19. – Art. No. 100121.
35. *Head K., Mayer T.* Gravity equations: workhorse, toolkit, and cookbook // *Handbook of International Economics* / Ed. by G. Gopinath, E. Helpman and K. Rogoff. – Amsterdam: Elsevier, 2014. – Vol. 4.
36. *Henning M.* Time should tell (more): evolutionary economic geography and the challenge of history // *Regional Studies*. – 2019. – Vol. 53 (4). – P. 602–613.
37. *Hill F., Gaddy C.* The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2003.
38. *Iammarino S., Rodríguez-Pose A., Storper M.* Why Regional Development Matters for Europe's Economic Future / Working Papers of the Directorate-General for Regional and Urban Policy. – Brussels: European Commission, 2017. – WP 07/2017.

39. *Janelle D.* Spatial reorganization: a model and concept // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1969. – Vol. 59 (2). – P. 348–364.
40. *Kivisto P.* Time-space compression // *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization* / Ed. by G. Ritzer. – Malden, MA, 2012. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9780470670590.wbeog557> (дата обращения: 01.10.2021).
41. *Lall S.V.* Territorial Development Policy: a Practitioner's Guide (English). – Washington, D.C.: World Bank, 2009. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/12698> (дата обращения: 15.11.2021).
42. *Litvine A.D.* The annihilation of space: A bad (historical) concept // *The Historical Journal*. – 2021. – P. 1–30.
43. *Maier G., Tripl M.* Regional policy in a globalized economy // *Globalism and Regional Economy* / Ed. by S. Egashira. – Oxon; New York: Routledge., 2014. – P. 1–15.
44. *McCann P.* The UK Regional-National Economic Problem: Geography, Globalisation and Governance. – London: Routledge, 2016.
45. *McCann P., Rodríguez-Pose A.* Why and when development policy should be place-based // *OECD Regional Outlook 2011: Building Resilient Regions for Stronger Economies*. – Paris: OECD Publishing, 2011.
46. *McCann P., Shefer D.* Location, agglomeration and infrastructure // *Papers in Regional Science*. – 2004. – Vol. 83 (1). – P. 177–196.
47. *Melitz J.* North, south and distance in the gravity model // *European Economic Review*. – 2007. – Vol. 51 (4). – P. 971–991.
48. *Moretti E.* Local labor markets // *Handbook of Labor Economics* / Ed. by D. Card and O. Ashenfelter. – Amsterdam: Elsevier, 2011. – Vol. 4, part B. – P. 1237–1313.
49. *Neumark D., Simpson H.* Place-based policies // *Handbook of Regional and Urban Economics* / Ed. by G. Duranton, J.V. Henderson and W.C. Strange. – Amsterdam: Elsevier, 2015. – Vol. 5. – P. 1197–1287.
50. *Nijkamp P., Ratajczak W.* Gravitational analysis in regional science and spatial economics: A vector gradient approach to trade // *International Regional Science Review*. – 2021. – Vol. 44 (3-4). – P. 400–431.
51. *O'Brien R.* Global Financial Integration: The End of Geography. – London: Royal Institute of International Affairs; Pinter, 1992.
52. *OECD Regions and Cities at a Glance 2020*. – Paris: OECD Publishing, 2020.
53. *Ottaviano G.I.P., Thisse J.-F.* Integration, agglomeration and the political economies of factor mobility // *Journal of Public Economics*. – 2002. – Vol. 83 (3). – P. 429–456.
54. *Parr J.B.* Neglected aspects of regional policy: a retrospective view // *Environment and Planning C: Government and Policy*. – 2015. – Vol. 33 (2). – P. 376–392.

55. *Peck J., Sheppard E.* Worlds apart? Engaging with the world development report 2009: reshaping economic geography // *Economic Geography*. – 2010. – Vol. 86 (4). – P. 331–340.
56. *Pirie G.* Distance // *International Encyclopedia of Human Geography* / Ed. by R. Kitchin and N. Thrift. – Oxford: Elsevier, 2009. – Vol. 1. – P. 242–251.
57. *Rietveld P., Vickerman R.* Transport in regional science: The “death of distance” is premature // *Papers in Regional Science*. – 2003. – Vol. 83. – P. 229–248.
58. *Rigg J., Bebbington A., Gough K.V., Bryceson D.F., Agergaard J., Fold N., Tacoli C.* The World Development Report 2009 “reshapes economic geography”: geographical reflections // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 2009. – Vol. 34 (2). – P. 128–136.
59. *Robertson P. E, Robitaille M.-C.* The tyranny of distance and the gravity of resources // *Economic Record*. – 2017. – Vol. 93 (303). – P. 533–549.
60. *Rodríguez-Pose A.* The revenge of the places that don’t matter (and what to do about it) // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. – 2018. – Vol. 11 (1). – P. 189–209.
61. *Seravalli G.* An Introduction to Place-Based Development Economics and Policy. – Cham: Springer, 2015.
62. *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Books I, II, III, IV and V / Ed. by S.M. Soares. – MetaLibri Digital Library, 29th May 2007. – 743 p. – URL: https://www.ibiblio.org/ml/libri/s/SmithA_WealthNations_p.pdf (дата обращения: 09.07.2021).
63. *The Gravity Model: What Does the Data Say About International Trade and Distance Between Countries?* 2017. – URL: <http://www.iberglobal.com/files/2018/pwc-the-gravity-model.pdf> (дата обращения: 15.07.2021).
64. *Thusta A.* The Effect of Distance on International Trade: A Meta-Analysis: Bachelor thesis. – Prague: Charles University in Prague, 2015.
65. *Tobler W.R.* A computer movie simulating urban growth in the Detroit Region // *Economic Geography*. – 1970. – Vol. 46 (sup1). – P. 234–240.
66. *Todes A., Turok I.* Spatial inequalities and policies in South Africa: Place-based or people-centred? // *Progress in Planning*. – 2018. – Vol. 123. – P. 1–31.
67. *Tranos E., Nijkamp P.* The Death of Distance revisited: cyber-place, physical and relational proximities // *Journal of Regional Science*. – 2013. – Vol. 53 (5). – P. 855–873.
68. *Warf B.* Excavating the prehistory of time-space compression // *The Geographical Review*. – 2011. – Vol. 101 (3). – P. 435–446.
69. *Winnick L.* Place prosperity vs people prosperity: Welfare considerations in the geographical redistribution of economic activity // *Essays in Urban Land Economics in Honor of the Sixty-fifth Birthday of Leo Grebler*. – Los Angeles, CA: Real Estate Research Program, UCLA, 1966.
70. *World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography*. – Washington, D.C.: World Bank, 2009.

Информация об авторе

Мельникова Лариса Викторовна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела территориальных систем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17); доцент кафедры экономического управления Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1). E-mail: melnikova@ieie.nsc.ru.

DOI: 10.15372/REG20220110

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 1 (113), p. 289–323

L.V. Melnikova

EFFICIENCY AND EQUALITY: TWENTY YEARS OF DISCUSSION ON SPATIAL DEVELOPMENT

In this review, we aim to analyze the development and mutual influence of the ideas of efficiency and equality in spatial development, the reflection of these ideas in competing concepts of regional policy from the 1990s to the present day, drawing on the three literature strata. The first stream of publications captures the debate about the role of space in an era of globalization and revolutionary changes in how information transmits. The polar hypotheses – from the “death of space” to the “tyranny of space” – have stimulated empirical assessments of the impact that distance has on the level of economic interactions, which have not confirmed the thesis of a “flat world” where economic activity is distributed evenly.

At the same time, dissatisfaction with the results of traditional redistributive regional policies matured in the expert community, giving rise to the second stratum of literature: a debate between the proponents of “space-neutral” and “place-based” policies. The former focuses on urban agglomerations as sources of growth, while the latter seeks to unlock the underutilized potential of each place. The discussion clarified the possible implications of these

approaches for national economic efficiency and the reduction of regional inequalities. Recognizing the value of each place has brought forth a new requirement for the place-based policy to be “place-sensitive”.

A similar discussion about the directions that the spatial development of Russia’s economy takes, and the principles of regional policy developed simultaneously in the Russian-speaking segment. The territorial concentration of growth in cities and the ways to reduce interregional inequality became major talking points. The peculiarity of such a debate was that it took place around the changing versions of spatial development strategies, often based on opposing principles.

Keywords: distance; space; mobility; city; regional policy; regional inequality; economic efficiency; discussion

For citation: *Melnikova, L.V. (2022). Effektivnost i ravenstvo: dvadtsat let diskussii o prostranstvennom razvitii* [Efficiency and equality: twenty years of discussion on spatial development]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (113), 289–323. DOI: 10.15372/REG20220110.

The research is prepared within the framework of the project 20-110-50400 “Efficiency and Equality: Twenty Years of Discussion on Spatial Development” supported by funding from the Russian Foundation for Basic Research

References

1. *Artobolevsky, S.S. (2001). Regionalnaya politika, napravlenneya na snizhenie territorialnykh ekonomicheskikh i sotsialnykh disproportsiy v Rossiyskoy Federatsii: projekt kontseptsii* [Regional policy addressing social, economic and legal asymmetry in the Russian Federation: draft conception]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology] 1, 4–34.
2. *Bukhvald, E.M. (2016). Kakoy byt strategii prostranstvennogo razvitiya dlya Rossii?* [What should be Russia’s spatial development strategy?]. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia], Vol. 47, No. 1, 41–52.
3. *Sulakshin, S.S., V.N. Laksin, A.S. Malchinov, M.V. Gligich-Zolotareva, V.A. Kolesov, N.A. Borisova & N.A. Khavanskiy. (2009). Doktrina regionalnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii. Maket-proekt* [Doctrine of Regional Development of the Russian Federation. Layout-project]. Moscow, Nauchnyy projekt Publ.

4. Zubarevich, N.V. (2019). Strategiya prostranstvennogo razvitiya: priority i instrumenty [Spatial development strategy: priorities and instruments]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 1, 135–145.
5. Kolomak, E.A., V.A. Kryukov, L.V. Melnikova, V.E. Seliverstov, V.I. Suslov & N.I. Suslov. (2018). Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii: ozhidaniya i realii [Spatial development strategy of Russia: expectation and reality]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (98), 264–287.
6. Kuznetsova, O.V. (2019). Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: illyuziya resheniy i realnost problem [Problems of elaboration of spatial development strategy of the Russian Federation]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], Vol. 15, No. 4, 107–125.
7. Leksin, V.N. (2019). Dorogi, kotorye ne my vybiraem (o pravitelstvennoy “Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda”) [The roads that we do not choose (on the government “Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025”). *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal* [Russian Economic Journal], 3, 3–24.
8. Minakir, P.A. (2020). Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda: politicheskaya reaktsiya na vyzovy XXI veka [Strategy for spatial development of the Russian Federation until 2025: Policy responses to the XXI century challenges]. In: V.M. Kotlyakov, A.N. Shvetsov & O.B. Glezer (Eds.). *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v XXI veke* [Russian Spatial Development Challenges and Policies in the XXI Century]. Moscow, KMK Scientific Press Ltd. Publ., 346–362.
9. Mikhееva, N.N. (2018). Strategiya prostranstvennogo razvitiya: novyy etap ili povtorenie starykh oshibok? [Strategy of spatial development: new stage or repetition of old mistakes?]. *EKO* [ECO], Vol. 527, No. 5, 158–178.
10. Glazychev, V.L. & P.G. Shchedrovitskiy (Eds.). (2004). *Rossiya: principy prostranstvennogo razvitiya: Doklad TSSI PFO* [Russia: Principles of Spatial Development: Report by the Center for Strategic Research of the Volga Federal District]. Available at: http://www.glazychev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv_oglav.htm (date of access: 20.07.2021).
11. Chuguevskaya, E.S. (2017). O territorialno-prostranstvennykh aspektakh Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii [On the spatial and territorial aspects of the spatial development strategy of the Russian Federation]. *Academia. Arkhitektura i stroitelstvo* [Academia: Architecture and Construction], 1, 67–71.
12. Barba Navaretti, G. & B. Marcovic. (2021). What Are We Building On? Place-based policies and the foundations of productivity in the private sector. Background paper for the OECD-EC High-Level Expert Workshop Series “Productivity Policy for Places”. OECD.

13. *Barca, F.* (2009). An Agenda for a Reformed Cohesion Policy A Place-based Approach to Meeting European Union Challenges and Expectations. Brussels, European Commission.

14. *Barca, F., P. McCann & A. Rodríguez-Pose.* (2012). The case for regional development intervention: Place-based versus place-neutral approaches. *Journal of Regional Science*, 52, 134–152.

15. *Beyer, R.C. & F. Smets.* (2015). Labour market adjustments and migration in Europe and the United States: how different? *Economic Policy*, 30 (84), 643–682.

16. *Blainey, G.* (1966). *The Tyranny of Distance: How Distance Shaped Australia's History.* Melbourne, Sun Books Publ.

17. *Boisso, D. & M. Ferrantino.* (1997). Economic distance, cultural distance, and openness in international trade: empirical puzzles. *Journal of Economic Integration*, 12, 456–484.

18. *Bolton, R.* (1992). “Place Prosperity vs People Prosperity” revisited: an old issue with a new angle. *Urban Studies*, 29 (2), 185–203.

19. *Boschma, R. & R. Martin.* (2010). *The Handbook of Evolutionary Economic Geography.* Cheltenham, UK; Northampton, MA, Edward Elgar Publ.

20. *Busse, M.* (2003). Tariffs, transport costs and the WTO Doha Round: The case of developing countries. *The Estey Centre Journal of International Law and Trade Policy*, 4 (1), 15–31.

21. *Cairncross, F.* (1997). *The Death of Distance: How the Communications Revolution Is Changing Our Lives.* Boston, Harvard Business School Press.

22. *Carlberg, M.* (1981). A neoclassical model of interregional economic growth. *Regional Science and Urban Economics*, 11 (2), 191–203.

23. *Carrere, C., J. de Melo & J. Wilson.* (2012). The distance puzzle and low-income countries: an update. *Journal of Economic Surveys*, 27 (4), 717–742.

24. *Cheshire, P., M. Nathan & H. Overman.* (2014). *Urban Economics and Urban Policy: Challenging Conventional Policy Wisdom.* Cheltenham, Edward Elgar Publ.

25. *Coe, D.T., A. Subramanian & N.T. Tamirisa.* (2007). The missing globalization puzzle: evidence of the declining importance of distance. *IMF Staff Papers*, 54 (1), 34–58.

26. *Conconi, P., G. Magerman & A. Plaku.* (2020). The gravity of intermediate goods. *Review of Industrial Organization*, 57 (2), 223–243.

27. *Disdier, A.-C. & K. Head.* (2008). The puzzling persistence of the distance effect on bilateral trade. *The Review of Economics and Statistics*, 90 (1), 37–48.

28. *Duranton, G. & A.J. Venables.* (2018). *Place-Based Policies for Development.* Policy Research Working Paper; No. 8410. Washington, DC, World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29712> (date of access: 01.10.2021).

29. *Ehrlich, M. & H.G. Overman.* (2020). Place-based policies and spatial disparities across European cities. *Journal of Economic Perspectives*, 34 (3), 128–149.

30. *Eichengreen, B. & D.A. Irwin.* (1998). The role of history in bilateral trade flows. In: J.A. Frankel (Ed.). *The Regionalization of the World Economy*. Chicago, University of Chicago Press.
31. *Florida, R.L.* (2002). *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York, Basic Books Publ.
32. *Friedman, T.L.* (2005). *The World Is Flat: a Brief History of the Twenty-First Century*. New York, Farrar, Straus and Giroux Publ.
33. *Glaeser, E.* (2011). *Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier*. London, Macmillan Publ.
34. *Graham, D.J. & S. Gibbons.* (2019). Quantifying wider economic impacts of agglomeration for transport appraisal: Existing evidence and future directions. *Economics of Transportation*, 19, art. no. 100121.
35. *Head, K. & T. Mayer.* (2014). Gravity equations: workhorse, toolkit, and cookbook. In: G. Gopinath, E. Helpman & K. Rogoff (Eds.). *Handbook of International Economics*. Amsterdam, Elsevier Publ., Vol. 4, 131–195.
36. *Henning, M.* (2019). Time should tell (more): evolutionary economic geography and the challenge of history. *Regional Studies*, 53 (4), 602–613.
37. *Hill, F. & C. Gaddy.* (2003). *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington, DC, Brookings Institution Press.
38. *Iammarino, S., A. Rodríguez-Pose & M. Storper.* (2017). *Why Regional Development Matters for Europe's Economic Future*. Working Papers of the Directorate-General for Regional and Urban Policy, WP 07/2017. Brussels, European Commission.
39. *Janelle, D.* (1969). Spatial reorganisation: a model and concept. *Annals of the Association of American Geographers*, 59 (2), 348–364.
40. *Kivisto, P.* (2012). Time-space compression. In: G. Ritzer (Ed.). *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization*. Malden, MA. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9780470670590.wbeog557> (date of access: 01.10.2021).
41. *Lall, S.V.* (2009). *Territorial Development Policy: A Practitioner's Guide* (English). Washington, D.C., World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/12698> (date of access: 15.11.2021).
42. *Litvine, A.D.* (2021). The annihilation of space: A bad (historical) concept. *The Historical Journal*, 1–30.
43. *Maier, G. & M. Trippl.* (2014). Regional policy in a globalized economy. In: S. Egashira (Ed.). *Globalism and Regional Economy*. Oxon and New York, Routledge Publ., 1–15.
44. *McCann, P.* (2016). *The UK Regional-National Economic Problem: Geography, Globalisation and Governance*. London, Routledge Publ.

45. *McCann, P. & A. Rodríguez-Pose.* (2011). Why and when development policy should be place-based. In: *OECD Regional Outlook 2011: Building Resilient Regions for Stronger Economies.* Paris, OECD Publishing.
46. *McCann, P. & D. Shefer.* (2004). Location, agglomeration and infrastructure. *Papers in Regional Science*, 83 (1), 177–196.
47. *Melitz, J.* (2007). North, south and distance in the gravity model. *European Economic Review*, 51 (4), 971–991.
48. *Moretti, E.* (2011). Local labor markets. In: D. Card, & O. Ashenfelter (Eds.). *Handbook of Labor Economics*, Vol. 4, part B. Amsterdam, Elsevier Publ., 1237–1313.
49. *Neumark, D. & H. Simpson.* (2015). Place-based policies. In: G. Duranton, J.V. Henderson, & W.C. Strange (Eds.). *Handbook of Regional and Urban Economics*, Vol. 5. Amsterdam, Elsevier Publ., 1197–1287.
50. *Nijkamp, P. & W. Ratajczak.* (2021). Gravitational analysis in regional science and spatial economics: A vector gradient approach to trade. *International Regional Science Review*, 44 (3-4), 400–431.
51. *O'Brien, R.* (1992). *Global Financial Integration: The End of Geography.* London, Royal Institute of International Affairs, Pinter.
52. *OECD.* *Regions and Cities at a Glance 2020.* (2020). Paris, OECD Publishing.
53. *Ottaviano, G.I.P. & J.-F. Thisse.* (2002). Integration, agglomeration and the political economies of factor mobility. *Journal of Public Economics*, 83 (3), 429–456.
54. *Parr, J.B.* (2015). Neglected aspects of regional policy: a retrospective view. *Environment and Planning C: Government and Policy*, 33 (2), 376–392.
55. *Peck, J. & E. Sheppard.* (2010). Worlds apart? Engaging with the world development report 2009: reshaping economic geography. *Economic Geography*, 86 (4), 331–340.
56. *Pirie, G.* (2009). Distance. In: R. Kitchin & N. Thrift (Eds.). *International Encyclopedia of Human Geography.* Oxford, Elsevier Publ., Vol. 1, 242–251.
57. *Rietveld, P. & R. Vickerman.* (2003). Transport in regional science: The “death of distance” is premature. *Papers in Regional Science*, 83, 229–248.
58. *Rigg, J., A. Bebbington, K.V. Gough, D.F. Bryceson, J. Agergaard, N. Fold & C. Tacoli.* (2009). The World Development Report 2009 “reshapes economic geography”: geographical reflections. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 34 (2), 128–136.
59. *Robertson, P.E. & M.-C. Robitaille.* (2017). The tyranny of distance and the gravity of resources. *Economic Record*, December, 93 (303), 533–549.
60. *Rodríguez-Pose, A.* (2018). The revenge of the places that don't matter (and what to do about it). *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 11 (1), 189–209.
61. *Seravalli, G.* (2015). *An Introduction to Place-Based Development Economics and Policy.* Cham, Springer Publ.

62. *Smith, A.* (2007). An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Books I, II, III, IV and V. Ed. by S. M. Soares. MetaLibri Digital Library, 29th May 2007, 743. Available at: https://www.ibiblio.org/ml/libri/s/SmithA_WealthNations_p.pdf (date of access: 09.07.2021).
63. *The Gravity Model: What Does the Data Say About International Trade and Distance Between Countries?* (2017). Available at: <http://www.iberglobal.com/files/2018/pwc-the-gravity-model.pdf> (date of access: 15.07.2021).
64. *Thusta, A.* (2015). The Effect of Distance on International Trade: A Meta-analysis. Bachelor thesis. Prague, Charles University in Prague Publ.
65. *Tobler, W.R.* (1970). A computer movie simulating urban growth in the Detroit Region. *Economic Geography*, 46 (sup1), 234–240.
66. *Todes, A. & I. Turok.* (2018). Spatial inequalities and policies in South Africa: Place-based or people-centred? *Progress in Planning*, 123, 1–31.
67. *Tranos, E. & P. Nijkamp.* (2013). The Death of Distance revisited: cyber-place, physical and relational proximities. *Journal of Regional Science*, 53 (5), 855–873.
68. *Warf, B.* (2011). Excavating the prehistory of time-space compression. *The Geographical Review*, 101 (3), 435–446.
69. *Winnick, L.* (1966). Place prosperity vs people prosperity: Welfare considerations in the geographical redistribution of economic activity. In: *Essays in Urban Land Economics in Honor of the Sixty-fifth Birthday of Leo Grebler*. Los Angeles, CA, Real Estate Research Program, UCLA, 273–283.
70. *World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography.* (2009). Washington, D.C., World Bank.

Information about the author

Melnikova, Larisa Victorovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher at Territorial Systems Department, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia); Associated Professor at the Economic Governance Section, Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: melnikova@ieie.nsc.ru.

Поступила в редколлегию 15.07.2021.

После доработки 16.08.2021.

Принята к публикации 20.08.2021.

© Мельникова Л.В., 2022